

Вэй Хуань вновь вспыхнула от гнева, потянулась, чтобы оттолкнуть меня, но я отвела её руку. Она снова попыталась схватить меня — с детства она общалась с братьями, и её движения были ловкими и резкими. Несколькими приёмами она заставила меня отступить, а затем, усмехаясь, толкнула. Видя, что дело плохо, я, не думая о технике, вцепилась ей в волосы. Она не ожидала такого, и, толкая меня, сама тяжело рухнула на меня сверху. От удара у меня перехватило дух. Инстинктивно я ударила её коленом — этот приём работал даже против женщины. Я увидела, как она скривилась от боли, оттолкнула её, перевернулась и, усевшись на неё сверху, снова потянула за волосы, но она схватила меня за лодыжку и снова повалила.

Тут уж мы обе забыли о приличиях и дрались, как простые сварливые бабы. Я всегда была избалованной, малейший ушиб вызывал у меня крики, но сегодня откуда-то взялась храбрость, и я молча сносила её удары. Она тоже молчала, когда я таскала её за волосы и кусала, лишь упрямо лупила меня. В конце концов, силы были неравны, и она прижала меня лицом вниз, скрутив мне руки за спину. Только когда я перестала сопротивляться, она отпустила меня, села на меня и тяжело задышала. Спустя какое-то время она произнесла: «Если ты и вправду хочешь что-то сделать, не нужно делать это с Наследным принцем. Сделай сама, открыто. С ним даже хорошее дело в итоге может обернуться плохим».

Я не сразу поняла, о чём она. «Что?» — вырвалось у меня.

Вэй Хуань бросила на меня косой взгляд, встала, зажгла свечу, окинула себя взглядом в зеркале, поправила одежду и сказала: «Поздно. Я ухожу. До завтра». С этими словами она ушла, оставив меня одну с ноющей болью во всём теле и в полном беспорядке.

Я ещё немного полежала на полу, затем поднялась и подошла к зеркалу. К счастью, Вэй Хуань сохранила рассудок и не тронула лицо. Я поспешила к двери — за ней никого не было. Я громко позвала, и лишь спустя время в панике прибежала маленькая служанка. Я спросила её: «Где дежурные?»

Она опустила на колени: «Когда вы вошли, госпожа Сун сказала, что с вами госпожа Вэй, и велела нам ждать снаружи, чтобы не тревожить вас».

Я кивнула, велела принести воды и поставить у двери, сама занесла её внутрь и приказала никому не приближаться.

Вернувшись в комнату и сняв одежду, я увидела, что всё тело покрыто синяками и красными пятнами — штук десять, не меньше. В основном это были следы от ударов, но кое-где виднелись и щипки. Самое странное — след укуса на плече. В пылу драки я и не заметила, когда она успела меня укусить, но сделала она это со злостью, прокусив несколько слоёв ткани. На ранке даже выступила кровь, и прикосновение к ней отзывалось резкой болью. Я хотела достать мазь, но побоялась привлечь внимание. В конце концов, это были несерьёзные раны, и я махнула на них рукой. Я бросила одежду в пустой таз и сожгла её, затем попыталась навести порядок в комнате, чтобы никто ничего не заметил.

Жизнь в роскоши отучила меня от таких забот, и я с трудом справилась. Лишь к полуночи всё было убрано. Всё тело ныло, но на душе было легко и светло. Впервые с тех пор, как я оказалась в этом мире, я полностью забыла о своём статусе. И Вэй Хуань впервые с момента попадания во дворец забыла о том, кто мы есть. Принцесса и аристократка — в эту ночь мы были просто двумя девочками, отбросившими все условности и разрешившими всё самым примитивным и грубым способом. В этой драке мы были абсолютно равны, каждая полагалась на свою силу и ловкость. Раньше между нами, какой бы близкой ни была наша связь, всегда существовала тонкая преграда. Теперь она, казалось, была прорвана. Сквозь эту брешь я

увидела более настоящую и целостную Вэй Хуань, а она — меня.

Возможно, однажды эта брешь станет шире, и преграда исчезнет вовсе. С этой мыслью я, уставшая, но умиротворённая, погрузилась в сон.

На следующее утро я приказала всем собраться во дворе. Вэй Хуань, как обычно, встала рано и стояла рядом с Сун Фою передо мной. Обе держались прямо, с каменными лицами. Я улыбнулась им и специально дождалась, пока все соберутся и построятся, прежде чем медленно подняться.

В толпе поначалу стоял сдержанный шёпот: кто-то перешёптывался, кто-то стоял с улыбкой, кто-то беспокойно озирался, а кто-то смотрел на меня в растерянности. Сун Фою, не выдержав, уже собралась сделать выговор, но я остановила её. Я стояла босиком на галерее, заложив руки за спину, с лёгкой улыбкой на лице.

Этому приёму я научилась у матушки. Когда она смотрела на кого-то с такой улыбкой, это всегда пугало. Я не могла сравниться с ней, но для устрашения слуг этого было достаточно.

И действительно, через несколько мгновений внизу постепенно воцарилась тишина. Все уставились на меня, ожидая слов.

Я специально выдержала паузу, прежде чем медленно произнести: «Вы, должно быть, уже знаете, что А-Ян украла казённое имущество и была задержана стражей Цзиньфу».

Большинство уже знало об этом деле, и на их лицах читалось безразличие. Я окинула всех взглядом, слегка приподняла подбородок и бесстрастно продолжила: «Её Величество не желает предавать это дело огласке, поэтому поручила разбирательство мне». Я увидела, как на нескольких безразличных лицах мелькнуло негодование, а другие, казалось, ожидали именно этого. Я усмехнулась: «А-Ян была моей кормилицей, и я всегда доверяла ей. Все дворцовые дела я поручала ей. Она решала всё, не спрашивая моего мнения, но мои решения всегда проходили через неё. Ваши повышения и понижения также во многом зависели от неё. Я так её уважала, а она предала свою госпожу и совершила это грязное дело. С точки зрения долга — это неверность и неуважение, с личной — несправедливость и жестокость. Без сурового наказания здесь не обойтись».

Я снова сделала паузу, наблюдая за лицами. Хотя они услышали такие серьёзные обвинения, их выражения оставались бесстрастными, будто дело А-Ян их совершенно не касалось. Я знала, о чём они думают: они полагались на мою доброту и были уверены, что я не стану строго наказывать А-Ян. Если бы матушка не вмешалась, я бы и вправду не стала. Тысячи монет? Пожалованные императорские деньги? Для меня всё это не стоило человеческой жизни.

Увы, судьбу А-Ян уже определила матушка. Всё, что я могла, — это использовать её смерть для собственной выгоды. Вэй Хуань была права: я лицемерка. Пользуясь своим положением, я кричу о равенстве. Не могу навести порядок в своих делах, но притворяюсь, что забочусь о бедняках, которые мне и не снились. Теплицы давно нет, а я всё прячусь в ней, отказываясь видеть жестокий мир снаружи. Но за избегание тоже приходится платить.

Вэй Хуань глубоко вдохнула, слегка задрожав подбородком. Это была её привычка, когда она уставала — сдерживать зевок, сжав губы. Я невольно улыбнулась и повернулась к собравшимся. Моя пауза заставила их занервничать, несколько человек стали беспокойно ёрзать. Увидев мою улыбку, они слегка расслабились, и я воспользовалась моментом: «Тем не менее, А-Ян долго служила мне. Если казнить её по всей строгости закона, это будет не по-человечески и не соответствует моему характеру милосердной госпожи. Поэтому я решила

даровать ей сохранение тела».

До этих последних слов все были расслаблены, и лишь несколько человек нахмурились, включая Вэй Хуань. Но как только я их произнесла, выражения лиц резко переменились: большинство остолбенело, а те немногие, что хмурились, теперь выглядели удовлетворёнными. Вэй Хуань слегка повернула голову, чтобы взглянуть на меня. Я сделала вид, что не заметила, и возвысила голос: «Я уже написала приказ и отправила его во дворец Етин. Все причастные к этому делу, начиная с А-Ян, будут забиты палками насмерть в назидание остальным».

<http://bllate.org/book/16278/1466294>